

**Участие православного духовенства
в реализации «государевых дел» в Сибири XVII в.***

Ирина Манькова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

**The Participation of the Orthodox Clergy in the Realisation
of the “State Affairs” in Siberia in the 17th Century**

Irina Mankova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

The incorporation of Siberia into the administrative and economic structure of the Russian state between the late sixteenth and seventeenth centuries was a complex and multifaceted process. The question of the participation of the institutions of the Russian Orthodox Church and, more particularly, the Tobolsk Bishop's House, has been considered in historiography since the nineteenth century. The idea of the broad powers of the first Siberian archbishops they exercised to supervise and control the activities of local governors is solidly established. However, no attention has been paid to the practical implementation of these functions. The author aims to determine the degree of involvement of representatives of the Russian Orthodox Church in secular administrative and managerial activities in Siberia in the seventeenth century. The study draws upon the correspondence between central government bodies and bishops and district governors, tsarist and governor instructions to the stewards of settlements, petitions and customs books from Russian archives and published collections of documents. The article reflects the process behind the search of management solutions by Moscow authorities. The main reasons for the government's aspirations to involve representatives of the Russian Orthodox Church in administrative and economic

* *Citation:* Mankova, I. (2025). The Participation of the Orthodox Clergy in the Realisation of the “State Affairs” in Siberia in the 17th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 1. P. 110–128. DOI 10.15826/qr.2025.1.957.

Цитирование: Манькова И. Участие православного духовенства в реализации «государевых дел» в Сибири XVII в. // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 110–128. DOI 10.15826/qr.2025.1.957 / Манькова И. Участие православного духовенства в реализации «государевых дел» в Сибири XVII в. // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 1. С. 110–128. DOI 10.15826/qr.2025.1.957.

activities were the weakness of the centre-periphery connections, low executive discipline of local administrators, and the unresolved pressing problem of food supply in the region. Based on this, a range of extra-church duties was formed, which the secular authorities tried to involve the top leadership of the diocese and parish clergy in. Specific examples are given to illustrate the practices of implementing these intentions. It is concluded that the attempts to assign the first Siberian archbishop Cyprian with conducting a census of the West Siberian districts, regulating land use and taxation, as well as the powers of supervision of the bishops over local administrators recorded in the instructions, were more declarative in nature than real functions. Of significant importance for the central government was the fact that the archbishops were a channel of communication with the population of Siberia, independent of the governors, and an informant on the situation in the remote region. In reality, parish priests and church workers were involved in administrative activities. The parish clergy participated in the acceptance of grain into the state treasury, monitored the conscientious fulfillment of their duties by the tselovalniks (sworn men) and allottees. Archbishop Simeon tried to free the priests from this onerous duty, but the Moscow authorities did not completely abandon this practice. Being literate people, priests certified accounting documents and petitions. At the same time, due to their spiritual status, they acted as a kind of guarantor of the observance of state interests in the economic sphere and the reliability of the information provided. Clergymen performed the duties of scribes.

Keywords: Western Siberia, 17th century, archbishops of Siberia and Tobolsk, parish clergy, regional administration, agricultural development, customs control

Инкорпорация Сибири в административную и хозяйственную структуру Российского государства в конце XVI – XVII в. – сложный и многоаспектный процесс. Вопрос об участии в нем институтов Русской православной церкви, в частности Тобольского архиерейского дома, рассматривается в историографии с XIX в. Утвердилось представление о широких полномочиях первых сибирских архиепископов по надзору и контролю за деятельностью местных воевод, но внимание на практическую реализацию этих функций не обращалось. Цель статьи – выяснение степени вовлеченности представителей Русской православной церкви в светскую административно-управленческую деятельность в Сибири XVII в. Источниковой базой исследования стали переписка центральных органов власти с архиереями и уездными воеводами, царские и воеводские наказные памяти приказчикам слобод, челобитные и таможенные книги из российских архивов и опубликованных сборников документов. Показан процесс поиска московскими властями управленческих решений. Основными причинами устремлений правительства вовлечь в административно-хозяйственную деятельность представителей Русской православной церкви были слабость центр-периферийных связей, низкая исполнительская дисциплина местных администраторов, нерешенность насущной проблемы продовольственного обеспечения региона. Исходя из этого формировался круг внецерковных обязанностей, к которым светская власть пыталась привлечь

высшее руководство епархии и приходское духовенство. Конкретными примерами проиллюстрированы практики реализации этих намерений. Сделан вывод, что попытки возложить на первого сибирского архиепископа Киприана проведение переписи населения западносибирских уездов, упорядочивание землепользования и налогообложения, а также зафиксированные в наказах полномочия надзора архиереев за местными администраторами скорее носили декларативный характер, чем являлись реальными функциями. Существенное значение для центральной власти имело то, что архиепископы были независимым от воевод каналом ее связи с населением Сибири и информатором о состоянии дел в отдаленном регионе. В действительности вовлеченными в управленческую деятельность оказывались приходские священники и церковнослужители. Приходское духовенство участвовало в приемке зерна в государственную казну, следило за добросовестным выполнением целовальниками и выдельщиками своих обязанностей. Архиепископ Симеон пытался освободить священников от этой обременительной обязанности, но московская власть не пошла на полный отказ от этой практики. Будучи грамотными людьми, священники заверяли учетные документы и челобитные. Одновременно в силу своего духовного статуса они выступали своеобразными гарантами соблюдения государственных интересов в хозяйственно-экономической сфере и достоверности сообщаемой информации.

Ключевые слова: Западная Сибирь, XVII в., архиепископы Сибирские и Тобольские, приходское духовенство, региональное управление, земледельческое освоение, таможенный контроль

Становление административной системы в Сибири являлось частью общероссийского процесса утверждения воеводского управления, который пришелся на время преодоления кризиса Смутного времени и воцарения династии Романовых. Однако задачи, которые необходимо было решать сибирским воеводам, были масштабнее и сложнее по сравнению с проблемами воеводских администраций Европейской России. Удаленность Сибири от центра, ее огромная территория, активные миграционные процессы в связи с земледельческим освоением и напряженная военная обстановка замедляли процесс создания устойчивых центр-периферийных связей. Несмотря на региональные особенности, за первые два-три десятилетия XVII в., по мнению Е. В. Вершинина, «правительство выработало основные принципы по управлению зауральскими территориями, которые впоследствии изменялись лишь в малой степени» [Вершинин, с. 71]. Анализ процесса поиска управленческих решений заслуживает дополнительного внимания.

Этап становления системы воеводского управления совпал с учреждением Сибирской и Тобольской епархии (1620 г.) и созданием местного административного органа православной церкви – Тобольского архиерейского дома. Как неоднократно отмечали исследователи, цен-

тральная власть «использовала церковный административный аппарат на местах для контроля над аппаратом государственным» [Тобольский архиерейский дом, с. 20]. В конце XIX в. историк П. Н. Буцинский пришел к выводу, что первому сибирскому архиепископу Киприану «принадлежал высший контроль над всем тем, что ведали в Сибири светские власти – воеводы, головы и разные приказные люди» [Буцинский, с. 222]. Н. Н. Покровский и Е. К. Ромодановская, опубликовав значительный комплекс документов Тобольского архиерейского дома XVII в., развили наблюдения П. Н. Буцинского и обратили внимание на причины этого явления [Тобольский архиерейский дом, с. 15–27]. По мнению Н. Н. Покровского, центральная власть наделяла сибирских архиереев «особыми полномочиями надзора за воеводскими администрациями», опасаясь «слишком большой самостоятельности и коррумпированности местных воевод» [Покровский, 2001]. Исследователи также отметили стремление центральной власти XVII в. поставить сибирского архиерея на одну иерархическую ступень с тобольскими воеводами, демонстрируя тем самым равенство светской и духовной властей на региональном уровне. Как свидетельствует наказная грамота второму сибирскому архиепископу Макарию 1625 г., московское правительство предписывало архиепископам взаимодействовать с воеводской администрацией по наведению порядка в повседневной жизни сибиряков и городском «устроении», а также держать совет с воеводами и дьяками «о государевых всяких думных делах» [Тобольский архиерейский дом, с. 213–215]¹. Тем самым предпринималась попытка распространить на региональный уровень московскую модель «симфонии» светской и духовной власти, сложившуюся во время соправления царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета.

В историографии для характеристики полномочий первых сибирских архиереев сверх их служебных компетенций используются как синонимы понятия «надзор» и «контроль»². Оба они относятся к мерам и методам, применяемым для наблюдения и проверки соответствия определенным требованиям, нормам или стандартам [см.: Дитрих]. Контроль как действие предполагает регулярные проверки, анализ и оценку, а надзор подразумевает наблюдающую и регулирующую

¹ Наказ второму сибирскому архиепископу Макарию 1625 г. – единственный сохранившийся документ подобного рода. Скорее всего, аналогичная грамота была и у первого сибирского архиепископа Киприана. Заступивший на тобольскую кафедру в 1642 г. архиепископ Герасим пытался найти ее и даже обратился за помощью в Москву, но безуспешно [Литературные памятники, с. 281, 392]. Вероятно, такие настойчивые поиски были связаны с тем, что царская наказная грамота первому архиепископу должна была передаваться следующим архиереям. Этим можно объяснить и то, что архиепископ Макарий получил свой наказ в 1625 г., уже находясь в Тобольске. Вероятно, приехав на место служения, он не обнаружил в архиерейском доме наказа Киприану и послал запрос в Москву. Из этого следует, что сохранившийся наказ Макарию можно рассматривать как дубликат наказа Киприану и руководство к действиям для следующих тобольских архиереев.

² Так, в недавно вышедшей «Истории Сибири» отмечается, что «сибирский первоиерарх наделялся правами контроля за светской администрацией присоединенного края» [История Сибири, с. 165].

функции, его главной задачей является соблюдение установленных норм (законодательства). Исходя из этих понятийных различий применительно к характеристике полномочий первых сибирских архиереев во внецерковной сфере предпочтительнее использовать понятие «надзор». В наказе архиепископу Макарию 1625 г. описаны предмет и механизм выполнения функции надзора. Предмет – исполнение воеводами своих обязанностей по обеспечению безопасности и общественного порядка в Тобольске, а также соблюдение справедливости наказаний и налогообложения населения. Архиерей имел полномочия постоянно напоминать администраторам об их обязанностях по «бережению» города. Согласно описанному в наказе механизму надзора, наблюдающая и регулирующая роль архиепископа заключалась в том, что, «уведав» о нарушении, он должен был сначала урегулировать ситуацию на месте, дважды или трижды обратившись к администраторам-нарушителям. Если же это не давало положительного результата, то он обращался за содействием к московским властям.

Как реализовывался предписанный порядок на практике, видно из грамоты царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану (ноябрь 1621 г.). Первый сибирский владыка выехал из Москвы к месту своего служения в январе 1621 г. и добрался до Тобольска 19 июня. Свою первую отписку о «градских нестроениях» Киприан отправил в Москву 10 сентября. В ней, помимо первоочередных церковных проблем, содержались наблюдения о беспорядках в светских делах. Ответом на нее и является ноябрьская грамота. Архиепископ сообщал о полном разладе в управленческой системе региона: у «приказных людей» «правым обычаем ничто не делаетца, как на Руси в ыных городех», торговых людей обирают на таможах, подьячие не подчиняются воеводам и «корыстующа» казной. Архиерей повторил жалобу тобольского воеводы М. М. Годунова³ и дьяка И. Шевырева о том, что городовые воеводы «делают все самоволством» и не слушаются их отписок, что свидетельствует о диалоге архиепископа Киприана с местным светским начальством. Реакцией центральной власти на данную отписку была лишь похвала:

И ты, богомолец наш, то учинил гораздо, что о нашем деле радеешь, и всяких людей нужу размотриаешь, и нам о том ведомо чинишь [Тобольский архиерейский дом, с. 179–180]⁴.

Вероятно, в уже сложившейся российской бюрократической практике было недостаточно только наблюдений преосвященного, чтобы предпринимать меры реагирования. В конце грамоты содержалось указание архиерею:

³ Тобольские воеводы также являлись разрядными, им должны были подчиняться воеводы городов Тобольского разряда.

⁴ Здесь и далее публикуем текст в современной графике, титлы раскрываем, надстрочные буквы вносим в строку.

А которыя татаровя, и остяки, и черные люди, и пашенные крестьяне унхут вам на воевод и на всяких людей, и в их насилствах бити челом, и ты б, богомолец наш, поимал у них челобитные и прислал к нам к Москве [Тобольский архиерейский дом, с. 179–180].

Триггером бюрократической машины являлись челобитные. Именно они становились основанием для проведения сыска, по результатам которого принималось решение о наказании⁵. Пример такой административной практики содержится в той же ноябрьской грамоте. В ответ на замечание архиепископа Киприана о том, что воевода Кетска Чеботай Челищев «вагулич всех розгонял, и тутошних жилцов, и казаков», было сообщено, что тобольскому воеводе дано указание провести сыск и наказать виновных [Там же]. Как известно из другого документа, в июле 1620 г. воевода М. М. Годунов отправил сына боярского В. Тыркова провести сыск о злоупотреблениях Челищева по царскому указу после челобитной ясачных остяков Кетского уезда [Миллер, с. 297].

Однако установленные наказами архиереям полномочия надзора во внецерковной сфере были скорее декларацией, чем реальными обязанностями. На практике архиереи являлись для центральной власти лишь одним из источников информации о состоянии дел на «далекой украине». Более существенным было то, что они служили независимым от воевод каналом связи между центральной властью и населением Сибири (как, впрочем, и в других регионах). Забота («печалование») о пастве, включавшей все население епархии, являлась канонической обязанностью архиерея и была отражена в наказных грамотах. Как писал сибирский митрополит Игнатий царям Иоанну и Петру из Тобольска в 1693 г.,

...понеже, ваше царское величество, яко православныя и милостивые монархи, повелели мне, есте богомолцу вашему, духовне же и отчески паствити словесные овчата христова, в вашей царского величества отчины Сибирского царствия жителей, христиан и иноземцов, призирать и нужды их вам, великим государем, доносить яко в самом сибирского вашего государского царстве богоспасаемом граде Тоболске и в прочих градах, которые мне, богомолцу вашему, прилучися в мимохождении [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 187].

Митрополит сообщал о крайне скудном жаловании служилых людей и вместе с ними просил у царей «в их нуждах споможение». Из этого следует, что отписка архиерея сопровождала челобитную служилых людей. Известны подобные сопроводительные отписки и других архиереев к челобитным жителей Сибири, в том числе о злоупотреблениях воеводской администрации. Такова была практика

⁵ В. А. Александров и Н. Н. Покровский показали, как мирские организации с помощью челобитных успешно противостояли лихоимству сибирских воевод [Александров, Покровский].

исполнения преосвященными поручения доносить до центральной власти информацию о нуждах населения.

Первые годы правления царя Михаила Федоровича были отмечены поиском путей выхода из экономического кризиса: росло налогообложение, вводились чрезвычайные экстренные налоги. В только начинавшей осваиваться Сибири остро стояла проблема продовольственного обеспечения воинских гарнизонов. Первоначально это бремя легло на плечи черносошных крестьян Прикамья, Вятки и Русского Севера, на них были возложены дополнительные обязанности хлебных поставок в Сибирь. Часто случались перебои со снабжением сибирских гарнизонов, хлеб поставлялся в недостаточном количестве. Все это вызвало напряженность и в районах-«донорах», и в Сибири. Единственным выходом из сложившейся ситуации являлось ускорение хозяйственного освоения края, развитие собственной земледельческой базы в Зауралье. Если в конце XVI – первые два десятилетия XVII в. центральная власть ставила перед воеводами в качестве первоочередной задачи призыв крестьян на новые территории, обеспечение их земель и поддержку крестьянских хозяйств, то с начала 1620-х гг. столица стала требовать от местных администраторов упорядочивания землепользования и налогообложения для перевода региона на самообеспечение.

Как свидетельствуют сохранившиеся документы, для центрального аппарата управления оказалось крайне сложно добиться от уездных воевод даже учета податного населения. Приказ Казанского дворца 28 июля и 9 декабря 1619 г. и 20 апреля 1620 г. отправлял тобольскому воеводе князю И. С. Куракину и дьяку И. Г. Булыгину грамоты с предписанием провести перепись населения. Они, в свою очередь, должны были разослать соответствующие «памяти» городовым воеводам, собрать поуездные переписные книги и выслать их в Москву [Собрание, с. 218]. Однако все грамоты остались без ответа, возможно, потому, что они пришли в период смены воевод во всех городах Тобольского разряда (кроме Туринска), произошедшей зимой-весной 1620 г. После еще одной грамоты, датированной 4 октября 1620 г., новый тобольский воевода М. М. Годунов выслал в приказ Казанского дворца переписную книгу Тобольска, полученную от дьяка Булыгина [Тобольский архиерейский дом, с. 172]. При вступлении в должность он также узнал от предшественников, что они посылали в уездные города, в частности, в Туринск, «памяти» о проведении переписи, «но воеводы их не послушали, переписных книг в Тобольск не прислали» [Там же]. Из этого следует, что прежняя тобольская администрация все-таки пыталась выполнить предписания о переписи.

Не добившись желаемого результата, приказ Казанского дворца решил направить в Верхотурье своего «дозорщика». Царской грамотой от 16 сентября 1620 г. верхотурские воеводы И. И. Пушкин и Д. И. Зубов извещались о том, что к ним едет из Москвы Ф. И. Тараканов для проведения «дозора» земель и людей в городе и уезде. Они должны были обеспечить его необходимыми кадрами: подьячим для письма, плотни-

ками для обмера острога, пушкарями «для розсылки» и «в дозор какие ему люди по наказу надобе» [Акты исторические, с. 84–85]. Тараканов приехал в Верхотурье 9 января 1621 г. и вместе с подьячим А. Ермолиным провел перепись [РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–100 об.].

Центральная власть, крайне обеспокоенная нерадением воевод о земледельческом освоении, решила опробовать еще один вариант наведения порядка в этом важнейшем «государевом деле» и привлечь к нему сибирского архиерея, который в ближайшее время должен был приехать в Тобольск. Архиепископу Киприану 20 февраля 1621 г. была отправлена царская грамота, которую он получил 13 апреля, находясь в Верхотурье. Грамота начиналась с сетований о неисполнении тобольскими воеводами царских указов 1619 и 1620 гг. Полученная от воеводы М. М. Годунова переписная книга, составленная предыдущей тобольской администрацией, свидетельствовала о беспорядочности налогообложения, сокращении посевных площадей, утайке части обрабатываемой земли. Далее перечислялись поручения архиерею: в Тобольске и в Тобольском уезде «порозсмотри над нашими служивыми и торговыми людьми, и над посошными, и над пашенными крестьяны, сколько хто наши служивые или торговые люди пашни пашут на себя и пашенные крестьяне на нас пашни пашут, и какими угодьи владеют, и какими торги торговые люди промышляют», выяснить, какие налоги платят эти люди, описать землеустройство всех крестьянских хозяйств, определить возможности увеличения численности землепашцев и обработки государственной пашни. Архиепископу Киприану также предписывалось по его «высмотру» и по совету с воеводой Годуновым заняться организацией земледельческого освоения, которое позволило бы обеспечить служилых людей и ружников продовольствием. На архиерея возлагался надзор за справедливым распределением воеводой «подмоги» деньгами и семенами, присланными из Казани, среди новых пашенных крестьян [Тобольский архиерейский дом, с. 173–174].

По сравнению с грамотой верхотурским воеводам о проведении дозора Ф. Таракановым, в этой грамоте отсутствует указание, какими силами архиерей должен проводить ревизию земель и налогоплательщиков. Более детальная регламентация проведения переписи содержится в грамоте туринскому воеводе Д. И. Милославскому от 26 февраля 1621 г. [Собрание, с. 218–219]. Она составлялась в приказе Казанского дворца практически одновременно с грамотой архиепископу Киприану. На наш взгляд, отсутствие четкой инструкции в последней, формулирование поручений в общих чертах свидетельствуют о том, что центральная власть и не предполагала прямых действий со стороны архиерея. Рекомендация советоваться с воеводой М. М. Годуновым свидетельствует о расчете столичных властей на то, что архиерей, находясь непосредственно на месте, станет дополнительным рычагом давления на тобольского администратора в исполнении «государева дела».

Еще ряд поручений архиепископу Киприану содержится в грамоте от 19 декабря 1621 г., полученной в Тобольске 1 марта 1622 г. Она посвящена проведению своеобразной экспертизы предложений бывшего томского воеводы Ф. В. Боборыкина. В 1616 г. его назначили вторым воеводой в Тюмень, но вскоре перевели в Томск, которым он и управлял до 1620 г. [Вершинин, с. 176]. Вернувшись в Москву, 8 апреля 1621 г. он подал в приказ Казанского дворца проект реорганизации размещения и обеспечения постоянных гарнизонов в Западной Сибири. Его предложения воспроизведены в рассматриваемой грамоте. Главная идея воеводы заключалась в сосредоточении значительного контингента служилых людей в Томске за счет перевода туда гарнизонов из Туринска, Берёзова, Сургута и частично из Тюмени, а в северо-западные остроги предлагалось посылать «годовальщиков»⁶ и ликвидировать Кетский острог за ненадобностью. Для решения продовольственной проблемы Ф. В. Боборыкин предлагал развивать товарно-денежные отношения: вместо хлеба выдавать служилым деньги, на которые они будут покупать хлеб у торговых людей, а они, в свою очередь, будут закупать хлеб, собираемый с государевой пашни. Он также писал, что «в сибирские города набежало из наших (то есть государственных. – И. М.) волостей крестьян много... а пашут пашни на себя велие», и стоит только заставить их пахать эту землю на государя, как продовольственная проблема будет решена [Тобольский архиерейский дом, с. 182–183].

Приказ Казанского дворца поинтересовался мнением об этом проекте у бывшего березовского воеводы С. И. Волинского⁷. Но он не поддержал идею замены постоянного гарнизона в Берёзове на годовальщиков, сославшись на напряжённую военную обстановку на северо-западе Сибири. Тогда столичные администраторы и отправили рассматриваемую нами грамоту архиепископу Киприану. Ему поручалось:

...советовав с боярином нашим и воеводами, с Матвеем Михайловичем Годуновым с товарищи, сибирских городов служилых всяких людей спросили накрепко... а, роспрося всяких людей и самим розведав подлинно... и будет ли нам прибыль и служилым людям в том нужы, нашим сибирским городом от колматцких людей и от ясачных остяков порухи какие не чают ли... о том бы тебе, богомолцу нашему, о всем подлинно отписати к нам к Москве [Там же].

Согласно этой части грамоты, архиерей должен был опять же действовать по совету с воеводой, по сути дела, провести сыск («расспросить накрепко») и предоставить необходимую информацию.

⁶ «Годовальщики» – служилые люди, посылавшиеся на временную службу (обычно на год) в отдаленные остроги.

⁷ И. С. Волинский служил воеводой в Берёзове с 1608 по 1611 г. [Вершинин, с. 151].

Второе поручение архиепископу Киприану в этой грамоте вновь касалось переписи людей и земель [Тобольский архиерейский дом, с. 184–185]. Ему предстояло «отписать от себя» воеводам в Тюмень, Туринск и Верхотурье, чтобы они переписали недавно поселившихся пашенных крестьян (откуда пришли, сколько пашни пахут на себя и на государя, каковы их угодья, торговля и налоги), а также тех, кто еще не был учтен, и отметить возможности их налогообложения. Воеводы должны были прислать «рописи» архиепископу Киприану, а тот – составить общую «ропись имяную новоприхожим людям и что на кого нашей пашни или посопного хлеба положить» и отправить ее в Москву. В данном случае архиепископу поручалось не проведение переписи, а ее административное сопровождение в границах Тобольского разряда. Вероятно, центральная власть надеялась, что таким путем результат будет получен быстрее.

Грамота завершается распоряжением в отношении переписи «новоприхожих» крестьян в Тобольске:

...а однолично б тебе, богомолцу нашему, про то все служилых людей и юртовских служилых и ясачных татар и остяков, и вагулич распросити подлинно. И себе тайно розведати всякими мерами... а, распрося и розведав подлинно, отписать и переписной список новоприхожим пашенным крестьяном прислати к нам к Москве [Там же, с. 185].

В данном случае речь идет не просто о надзоре за исполнительской дисциплиной тобольского воеводы, а о проведении расследования, то есть уже о полномочиях сыщика, который должен действовать «тайно».

Были ли выполнены архиепископом Киприаном поручения, данные в грамотах 1621 г., неизвестно, но, скорее всего, нет. Вся его дальнейшая переписка (а также переписка архиепископа Макария) с Москвой в 1621–1626 гг., сохранившаяся в копийной книге, касается только церковных дел, нравственного состояния сибирского общества, духовного суда и обеспечения Тобольского архиерейского дома [Там же, с. 157–232]. Видимо, большой объем прямых служебных обязанностей на начальном этапе создания епархии не оставлял первым сибирским архиереям времени для занятий мирскими «государевыми» делами, да еще в таком масштабе. Центральная власть справилась с упорядочением землепользования и налогообложения собственным административным ресурсом, направив в 1623 г. в Тобольск воеводу Ю. Я. Сулешева. При нем в 1624–1625 гг. были проведены переписи населения и земель в западносибирских уездах, установлены правила налогообложения.

Однако если архиепископ Киприан был вовлечен в решение производственной проблемы номинально, то приходские священники, проживая в слободах и селах, становились непосредственными элементами административной системы учета и контроля. Они участ-

вовали в приемке зерна для государевых житниц, заверяли учетные документы. Самое раннее упоминание об этом относится к 1627 г., когда приказчик Невьянской слободы Д. Лабутин жаловался верхотурскому воеводе С. Н. Гагарину на попа Исаака, что тот «за умолотом на гумна и к отмеру не ходит» с 25 октября по 5 ноября. Из этого следует, что священник должен был присутствовать при молотье зерна, поступившего с десятинной пашни, и контролировать его замеры. Приказчик писал, что «многожды» посылал за священником старосту и целовальников, но тот говорил, что ему «до тово дела нет, ходить недосуг». По сведениям Лабутина, поп Исаак «нынеча ездит по деревням, пьет, бражничает и на погост не едет». Приказчик спрашивал, что ему делать, ссылаясь на имевшийся у него наказ «попам быть у всякова государева десятинной пашни безотступно» [РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 887. Л. 7]. Верхотурский воевода распорядился «невьянскому попу к молотье велеть ходить, а будет учнет ослушаетца, к молотье ходить не станет, и ево прислать в город» [Там же. Л. 7 об.]. Вероятно, в городе попа Исаака ожидало воеводское увещевание, а, может быть, и наказание за неисполнение «государева дела».

Архиепископ Симеон, только получивший назначение на тобольскую кафедру, в 1651 г. обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой запретить воеводам и приказным людям «вступатца» во «всякие святительские и духовные дела и суды» [Литературные памятники, с. 289–290, 396]. По слухам, ему стало известно, что светские администраторы отвлекали приходское духовенство и причетников от церковных обязанностей («от твоего царского богомолья»), нагружая «государевыми делами и всяким письмом», «во всем их судят, и смиряют, и от церквей Божиих отставливают, и с попов скуфьи снимают, и в тюрьму сажают, и батоги бьют, и ослопьем побивают» [Там же, с. 289].

По мнению архиепископа, самым обременительным «государевым делом» для духовенства было как раз участие в приемке «выдельного хлеба». Осенью в крестьянские хозяйства отправлялись выдельщики для сбора «пятого снопа» (налога зерном, составлявшего пятую часть собранного урожая). Как правило, обязанности выдельщиков возлагались на служилых людей, но в соответствии с царскими указами местные власти отправляли вместе с ними приходских священников. Отписка архиепископа Симеона 1651 г. свидетельствует о том, что эта практика существовала повсеместно в земледельческих районах Сибири [Там же].

Согласно резолюции на этом документе, главе Сибирского приказа А. Н. Трубецкому поручалось послать всем сибирским воеводам грамоты о невмешательстве «во всякие архиепископли церковные, и духовные, и судные дела». В светском судопроизводстве оставалась подсудность священников, дьяконов и причетников, совершивших разбой, «татьбу с поличным» и душегубство. В данном случае была подтверждена норма, зафиксированная еще в Стоглаве 1551 г. (гл. 67). Относительно государевых дел воеводам предписывалось ограни-

читать участие в них духовенства и причта только приемкой «выдельного хлеба», но не задерживать их «у выделу», «чтоб церкви Божии без попов, без пенья не были» [Литературные памятники, с. 396].

Архиепископ Симеон приехал в Тобольск 20 декабря 1651 г., то есть уже после завершения сельскохозяйственных работ. Но осенью следующего года он увидел масштаб проблемы. Следуя царскому указу, воеводы Тюмени, Туринска, Верхотурья и Тары уведомили архиерея, что «у выдельного хлеба» вместе с выдельщиками должны быть священники. Вероятно, в течение осени Симеон получал жалобы духовенства на эту обременительную обязанность, поэтому зимой 1653 г. он вновь обратился к царю. Преосвященный отмечал, что священники участвуют в этом деле «по неволе», надолго оставляют свои церкви, поскольку вынуждены находиться с выдельщиками весь уборочный цикл («до тех мест, покамест хлеб с поля сымут, и на гумнах измолотят, и в житницы всыплют»). В это время они не выполняют свои прямые обязанности («твое государево богомолье, церкви божии, стоят без пения, и роженицы без молитв, и младенцы без крещения бывают многое время, и бол[ьные] умирают без покаяния и без причастия»). Симеон указывал на бесполезность участия духовенства в приемке «выдельного хлеба», так как «от попов, государь, в том твоём государеве выделом хлебе крепости и береженья нет, потому что выделщики делают по своей воле, а попов оне не слушают, а которые попы за правду и постоят, и тех выделщики⁸ не слушают и их бьют» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 400. Л. 212]⁹. Из этого следует, что при приемке хлеба в государственную казну на священников возлагалась функция не простой фиксации поступавшего хлеба, а надзора за добросовестным выполнением выдельщиками своих обязанностей.

Для архиепископа Симеона на первом месте стояли духовные дела. «А попами, государь, – писал архиерей в отписке, – в Сибири гораздо скудно, и в соборных церквях по городом толко по одному попу, а по иным по приходским церквям многого что и нет попов» [Там же]. Он вновь просил царя отменить решение об участии священников в приемке «выдельного хлеба». Однако в Москве не были готовы отказаться от этой практики и выбрали компромиссный вариант. Архиепископ Симеон и воеводы получили царские грамоты, в которых предписывалось отправлять священников только из тех церквей, где имелся двойной штат, а выдельщиков наказывать за волокиту «денгами или хлебом, что небольшое, чтоб в том выделным людям досад больших не было» [Там же. Л. 214, 215].

Как известно, в XVI–XVII вв. те, кому поручались даже временные службы, должны были давать клятву царю посредством обряда целования креста. Так, в упоминавшейся выше грамоте от 26 февраля

⁸ Выдельщики – сборщики хлебного налога («выдельного хлеба»), который составлял часть урожая с собственных пашен крестьян и посадских людей, его размер зависел от качества земли.

⁹ Отписка была подана в Сибирский приказ 16 февраля 1653 г.

1621 г. туринскому воеводе Д. И. Милославскому о проведении переписи населения и земель трижды отмечается «наше (то есть царское. – И. М.) крестное целование». Дважды речь идет о тех, кого воевода выберет для проведения переписи «из детей боярских или из атаманов и подьячего». Милославский должен был привести их к крестоцелованию и предупредить, чтобы «писали, дозировали и сыскивали... вправду по нашему крестному целованью, не дружа и не норовя никому ни в чем». Воеводе также предписывалось «говорить накрепко» всем мирянам, чтобы «про торги, и про пашни, и про сенные покосы, и про леса, и про всякие угодыя сказывали прямо вправду, по нашему крестному целованию» [Собрание, с. 218–222]. Целованием креста выбранные лица давали клятву государю добросовестно выполнять порученные им обязанности, а опрашиваемое население подтверждало достоверность своих свидетельств. Во второй половине XVII в. по инициативе патриарха Никона была изменена форма клятвы: вместо крестоцелования устанавливалось «приведение к вере» перед Евангелием в церкви [подробнее см.: Королева]. В книгу «Три чина присяг», или Чиновник (М., 1654), вошел и «Чин сбываемый, како подобает, егда кто хошет государю царю служити всею правдою у его государевых дел» [Три чина присяг, л. 1–12 об. третьего счета].

Сохранившаяся отписка никольского попа Лариона Иванова из Ницынской Ощепковской слободы, отправленная верхотурскому воеводе И. Б. Камынину не позднее 28 августа 1660 г., дает представление о практике принесения присяги должностными лицами в западносибирских уездах. Поп Ларион по старинке называл эту процедуру «крестным целованием», хотя еще в 1655 г. архиепископ Симеон разослал сибирским воеводам предписание о введении обряда присяги по новому Чиновнику [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 377–379]. Ницынский священник сообщил воеводе, что отправил в Верхотурье к «крестному целованью» вновь выбранных житничных целовальников и мирского старосту с «выборами» [НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 28. Д. 894]. Из этого следует, что, несмотря на то, что, согласно Чиновнику, «приводить к вере» могли архиерей, архимандрит, игумен или священник (его статус не оговаривался), слободские попы только прикладывали руки к мирским «выборам», но выборных лиц приводили к присяге уже в уездном центре, и, скорее всего, это было духовенство соборной церкви.

Участие приходского духовенства в приемке «выдельного хлеба» свидетельствует о том, что независимо от принесения присяги центральная власть принимала дополнительные меры для соблюдения государственных интересов, поручая священникам надзор в важнейшем на тот период деле продовольственного обеспечения. Однако сибирские реалии были таковы, что светская власть была вынуждена привлекать приходское духовенство и к другим административным обязанностям. Так, пропускным пунктом через Уральский хребет на государевой дороге из Европейской части России в Сибирь был Ростес (Ростесский караул), расположенный на Верхотурском волоке.

В обязанности таможенников на заставе входил не только сбор пошлин, но и контроль за миграционным потоком. Длительное время пункт оставался малонаселенным, сначала там существовала только деревня для бродовщиков (проводников) зимней дороги, но постепенно стали возникать крестьянские поселения¹⁰. Около 1655/56 г. местные жители поставили церковь во имя Троицы с приделом во имя Николая Чудотворца, а священнику и причту были назначены государственные оклады (руга) [ТГИАМЗ. Кн. 12794]. Для обслуживания заставы верхотурские воеводы ежегодно отправляли служилых людей, крестьян, целовальников и давали поручения местному священнику. Так, в июле 1666 г. верхотурский воевода И. Я. Колтовский направил «память» на Ростесский караул троицкому попу Степану Алексеву, церковному старосте Ивашке Самотое и крестьянину Силке Зиновьеву:

Как к вам ся память придет, и вы б с целовальником с Улянком Юрьевым государевы всякие пошлины, денги збирали по евангельской заповеди, и по верхотурской памяти и заставы ведали вместе, и никаких людей без грамот и без печатей не пропускали [НИА СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1226. Л. 8–9].

Такая же «память» была дана целовальнику Улянке Юрьеву [Там же].

Из этого следует, что на священника и церковного старосту возлагались обязанности таможенного персонала. В книге таможенного сбора Ростесского караула за предыдущий 1665/66 г. имеется автограф попа Степана:

К сей книге их, великих государей, пошлиному збору ростескому денгам верхотурского стрелца Васки Прянишникова да целовальника Улянка Юрева по их велению, что они грамоте не умеют, троицкой поп Стефанисше Алексеев руку приложил [ТГИАМЗ. Кн. 12645].

Скорее всего, причиной привлечения священника к таможенной службе стала неграмотность таможенников.

В фонде ТГИАМЗ сохранилось несколько книг таможенных сборов за 1665/66 г. из разных слобод Верхотурского уезда, заверенных местными священниками. Вместо целовальников «по их велению» в Тагильской волости прикладывал руку преображенский поп Давыд Прокопьев, в Арамашевской слободе – богородицкий поп Федор Васильев, в Ирбитской – богоявленский поп Елисей Захаров, в Невьянской – богородицкий поп Григорий Федоров (он же заверил книги мельничного сбора на невянской Режевской мельнице), в ницынской Ощепковской слободе – церковный дьячок Юрка Прохоров [Там же. Кн. 12648, 12650, 12652, 12653, 12654, 12659]. В городах, в отли-

¹⁰ Только в 1683 г. Сибирский приказ озаботился переписью населения этих деревень [Преображенский, с. 125; Дополнения к актам историческим, с. 258].

чие от сельской местности, грамотных людей было больше, поэтому таможенные книги заверялись как самими таможенными головами и целовальниками, так и по их поручениям другими лицами разного социального статуса. Иногда встречаются рукоприкладства духовенства за своих «духовных детей» [Тюмень в XVII столетии, с. 151].

Мы разделяем мнение ряда исследователей, что далеко не всегда подписи священников на документах носили формальный характер [Покровский, 1989, с. 216; Смирнов, с. 179]. «Рукоприкладства» духовенства на мирских «выборах» и челобитных, видимо, следует оценивать и как проявление традиций наставничества духовника, его «печалования» о пастве. В некоторых случаях для светских властей они становились гарантией правдивости сообщаемых сведений. Так, во время конфликта в Тюмени между атаманом конных казаков Иваном Воиновым и атаманом пеших казаков Приезжим Резановым в 1625–1627 гг. проводился сыск по челобитной служилых людей. Те, «кто грамоте умеют», должны были сами подписать свои свидетельства, а за неграмотных людей приложить руки к обыскным речам было предписано их духовным отцам. Резанову удалось настроить часть войска против Воинова, распусшив слух, что тот якобы подал челобитную в Тобольске на служилых людей, обвинив их в подготовке нападения на тобольского воеводу Ю. Я. Сулешева. Во время сыска часть служилых людей во главе с Резановым свидетельствовала против Воинова, но священники отказались прикладывать руки под их «обыскными речами». Служилые люди подали на духовенство челобитную, потому что без их «рукоприкладства» они не могли предоставить свои свидетельства, и просили заставить священников «приложить руки» [Российская историческая библиотека, стб. 444–449, 514–516]. В данном случае акт «рукоприкладства» являлся своеобразным выражением позиции духовенства в этом конфликте и влиял на принятие светскими властями решения по делу.

Священники не только подписывали мирские челобитные, но и от своего имени передавали воеводам жалобы мирян. Так, весной 1661 г. в ницынской Ощепковской слободе староста пашенных крестьян Оска Яковлев с десятниками «извещали» в судной избе николевскому попу Лариону Иванову на бывшего приказчика, верхотурского сына боярского Ивана Широкого, что он за взятку отпустил из слободы крестьян, не посылал погоню за бывшим старостой Оской Симановым, скрывшимся с 20 руб. мирских денег. Также они сообщили, что уже после отъезда Широкого из слободы сбежали пять крестьян, и «ныне в Ницынской слободе великого государя десятинной пашни в их, беглых крестьян, место пахать, изделий, и круп, и толокна делать и судового лесу возить некому» [НИА СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 930. Л. 1–2]. Поп Ларион написал о проблеме верхотурскому воеводе И. Б. Камынину и просил «по указу великого государя о тех беглых крестьянах ко мне (то есть попу Лариону. – И. М.) в Ницынскую слободу указ учинить», кому вместо беглых выполнять их государственные

обязанности. Формулировки в отписке священника воеводе свидетельствуют, что в данном случае он выступал в качестве административного лица. Скорее всего, после Широкого в Ницынскую слободу еще не назначили нового приказчика и попу Лариону было временно поручено управление слободой, поэтому он и принял крестьянский извет в судной избе. Аналогичные случаи исполнения управленческих обязанностей приходским духовенством имели место и в других слободах Верхотурского уезда [подробнее см.: Манькова].

Как правило, церковные причетники, будучи грамотными людьми, привлекались к государственным делам в качестве писцов. Так, в 1639 г. дьячок Преображенской церкви Тагильской слободы Тренка Артемонов подал челобитную, в которой жаловался, что его постоянно отрывают от церковных дел, привлекая к различным писцовым работам. С 1618/19 по 1626/27 г. он «писал всякие наши (то есть государственные. – И. М.) дела у нашей пашни пашенных крестьян, у приказчиков и у пошлинного сбору без нашего жалованья и без мирского найму» [НИА СПб ИИ РАН Ф. 28. Д. 279. Л. 1]. Подьячим, выполнявшим писцовые работы по казенным делам, с 1626/27 г. было установлено денежное и хлебное жалованье, а «площадное письмо» в Верхотурье отдали на откуп. К тому же пашенные крестьяне стали нанимать подьячих для своей надобности за 6 руб. в год. Однако служилые люди, приезжавшие по воеводским наказным памятям с Верхотурья на Тагил, продолжали «самовольством» использовать Треньку в качестве писца ко всяким «государевым делам» на безвозмездной основе. В челобитной дьячок просил, чтобы его не привлекали к письму «мимо жалованно и откупного подьячих», то есть без оплаты. Просьбу Треньки удовлетворили, и соответствующая грамота была направлена верхотурскому воеводе В. Л. Корсакову.

Таким образом, на начальном этапе освоения Сибири государство стремилось использовать институты Русской православной церкви для выполнения управленческих функций, чтобы решить насущные задачи продовольственного обеспечения, дисциплинировать воевод и приказных, усилить текущий учет денег и хлеба. Однако на практике они оказались неисполнимы, и в дальнейшем центральная власть отказалась от такого рода поручений, ограничившись наказами декларативного характера. Вряд ли стоит преувеличивать полномочия сибирских архиереев в светском управлении, в частности, в надзоре за воеводской администрацией. Провозглашая такую функцию тобольских преосвященных, центральная власть лишь открывала для себя независимый от воевод канал получения информации о состоянии дел в Сибири. Реально вовлеченными в управленческую деятельность оказывались приходские священники и церковнослужители, на которых зачастую возлагались обременительные обязанности, не относившиеся к их служебным компетенциям. Это было связано с тем, что, во-первых, они являлись грамотными людьми, а, во-вторых, что в силу своего духовного статуса священники вы-

ступали своеобразными гарантантами соблюдения государственных интересов в хозяйственно-экономической сфере.

Архивы / Archives

НИА СПбИИ РАН – Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН [Research Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Ф. 28. Д. 279, 930.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [Russian State Archive of Ancient Acts]. Ф. 214. Оп. 3. Д. 400, 1058; Ф. 1111. Оп. 2. Д. 887; Оп. 4. Д. 1.

ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник [Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Reserve]. Кн. 12645, 12648, 12650, 12652, 12653, 12654, 12794.

Библиографические ссылки / References

Акты исторические : в 5 т. СПб. : Тип. II отд-ния С. Е. И. В. К., 1841–1842. Т. 3. 525 с.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.

Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П. Н. Соч. : в 2 т. / под ред. С. Г. Пархимовича ; сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. С. 199–250.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : МУМЦ «Развивающее образование», 1998. 204 с.

Дитрих Д. К. Контроль и надзор: проблемы терминологии в российском законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 9А. С. 377–383. DOI 10.34670/AR.2023.63.38.048.

Дополнения к актам историческим : в 12 т. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846–1872. Т. 11. 320 с.

История Сибири : в 4 т. / отв. ред. А. Х. Элерт, М. В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. 3. 812 с.

Королева М. В. Процедура государственной присяги в России XVII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 73–82. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.004.

Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / сост. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2001. 440 с.

Манькова И. Л. Приходское духовенство Западной Сибири в системе церковно-государственных отношений XVII в. // Урал. ист. вестн. 2011. № 4 (33). С. 83–88. DOI 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-90-101.

Миллер Г. История Сибири : в 3 т. М. : Вост. лит. РАН, 2000. Т. 2. 796 с.

Покровский Н. Н. Русская Православная Церковь в освоении Сибири // Сибирская заимка : электрон. журн. : [сайт]. 2001. № 6. URL: <http://www.zaimka.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука, 1989. 388 с.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М. : Наука, 1972. 392 с.

Российская историческая библиотека : в 86 т. СПб. : [Б. и.], 1872–1927 Т. 8. [4], XVI, [2], с., 1292, 52 стб.

Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М. : Правосл. Св.-Тихон. богослов. ин-т, 2004. 553 с.

Собрание государственных грамот и договоров : в 5 ч. М. : Тип. Селивановского, 1822. Ч. 3. III, [12], 540 с.

Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1994. 294 с.

Три чина присяг. М. : Печ. двор, 1654. 19, 7, 13, 12 л.

Тюмень в XVII столетии: собрание материалов для истории города / сост. П. М. Головачев. М. : Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1903. 166 с.

Akty istoricheskie v 5 t [Historical Acts: 5 Vols.]. (1841–1842). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 3. 525 p. (*In Rus.*)

Aleksandrov, V. A., Pokrovskii, N. N. (1991). *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka. 401 p. (*In Rus.*)

Butsinskii, P. N. (1999). Otkrytie Tobol'skoi eparkhii i pervyi Tobol'skii arkhiepiskop Kiprian [Opening of the Tobolsk Diocese and the First Tobolsk Archbishop Cyprian]. In Butsinskii, P. N. *Sochineniya v 2 t.* / ed. by S. G. Parkhimovich, Yu. L. Mandrika. Tyumen', Izdatel'stvo Yu. Mandriki. Vol. 2, pp. 199–250. (*In Rus.*)

Dopolneniya k aktam istoricheskim v 12 t. [Additions to Historical Acts. 12 Vols.]. (1846–1872). St Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa. Vol. 11. 320 p. (*In Rus.*)

Ditrikh, D. K. (2023). Kontrol' i nadzor: problemy terminologii v rossiiskom zakonodatel'stve [Control and Supervision: Issues of Terminology in Russian Legislation]. In *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. Vol. 13. No. 9A, pp. 377–383. DOI 10.34670/AR.2023.63.38.048. (*In Rus.*)

Elert, A. Kh., Shilovskii, M. V. (Eds.). (2023). *Istoriya Sibiri v 4 t.* [History of Siberia. 4 Vols.]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN. Vol. 3. 812 p. (*In Rus.*)

Golovachev, P. M. (Ed.). (1903). *Tyumen' v XVII stoletii: sobranie materialov dlya istorii goroda* [Tyumen in the 17th Century: A Collection of Materials for the History of the City]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Co. 166 p.

Koroleva, M. V. (2020). Protsedura gosudarstvennoi prisvyagi v Rossii XVII veka [The Procedure of the State Oath in Russia in the 17th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 4 (82), pp. 73–82. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.004. (*In Rus.*)

Man'kova, I. L. (2011). Prikhodskoe dukhovenstvo Zapadnoi Sibiri v sisteme tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii XVII v. [Parish Clergy of Western Siberia in the System of Church-State Relations in the 17th Century]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 4 (33), pp. 83–88. DOI 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-90-101. (*In Rus.*)

Miller, G. (2000). *Istoriya Sibiri v 3 t.* [History of Siberia. 3 Vols.]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. Vol. 2. 796 p. (*In Rus.*)

Pokrovskii, N. N. (2001). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v osvoenii Sibiri [The Russian Orthodox Church in the Development of Siberia]. In *Sibirskaya zaimka* [website]. No. 6. URL: <http://www.zaimka.ru> (accessed: 30.11.2024). (*In Rus.*)

Pokrovskii, N. N. (1989). *Tomsk. 1648–1649 gg. Voevodskaya vlast' i zemskie miry* [Tomsk. 1648–1649. Voivodeship Power and Zemstvo Worlds]. Novosibirsk, Nauka. 388 p. (*In Rus.*)

Pokrovskii, N. N., Romodanovskaya, E. K. (Eds.). (1994). *Tobol'skii arkhieieiskii dom v XVII veke* [Tobolsk Bishop's House in the 17th Century]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 294 p. (*In Rus.*)

Preobrazhenskii, A. A. (1972). *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v.* [The Urals and Western Siberia in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Nauka. 392 p. (*In Rus.*)

Romodanovskaya, E. K., Zhuravel, O. D. (Eds.). (2001). *Literaturnye pamyatniki Tobol'skogo arkhieieiskogo doma XVII veka* [Literary Monuments of the Tobolsk Bishop's House of the 17th Century]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 440 p. (*In Rus.*)

Rossiiskaya istoricheskaya biblioteka v 86 t. [Russian Historical Library. 86 Vols.]. (1872–1927). St Petersburg, S. n. Vol. 8. [4], XVI, [2], p., 1292, 52 clmns. (*In Rus.*)

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov v 5 ch. [Collection of State Charters and Treaties. 5 Parts]. (1822). Part 3, [12]. Moscow, Tipografiya Selivanovskogo. 540 p. (*In Rus.*)

Smirnov, S. I. (2004). *Drevnerusskii dukhovnik* [Old Russian Confessor]. Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii Bogoslovskii institut. 553 p. (*In Rus.*)

Tri china prislyag [Three Ranks of Oaths]. (1654). Moscow, Pechatnyi dvor. 19, 7, 13, 12 p. (*In Rus.*)

Vershinin, E. V. (1998). *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)* [Voivodeship Administration in Siberia (17th Century)]. Yekaterinburg, Mezhotraslevoi uchebno-metodicheskii tsentr “Razvivayushchee obrazovanie”. 204 p. (*In Rus.*)

The article was submitted on 17.10.2024